мере нескольких кейсов он анализирует различные проявления и динамику радикальных движений, использующих риторику традиционных ценностей и православия. Он подробно разбирает деятельности православных народных дружин, возникших после «панк-молебна», погром в Манеже 14 августа 2015 г., программу строительства 200 храмов в Москве и связанную с этим деятельность организации «Сорок Сороков». Большая часть статьи посвящена дискуссиям вокруг фильма «Матильда». Поражает фактологическая база данного исследования, позволяющая автору делать оригинальные и, безусловно, в высшей степени фундированные выводы относительно новых культурных границ в российском публичном пространстве.

Наконец, *Анн-Софи Ламин* призывает взглянуть на многогранность проявлений радикализма с позиций социальной психологии. Ей удалось показать, как установки «вера-идентичность» и «вера-убежденность» влияют на проявления радикализма.

Безусловная заслуга редакторов книги в том, что им удалось собрать в одном сборнике столь разные точки зрения и буквально «препарировать» проблемы взаимодействия государства и религиозных сообществ. Актуализация дискуссии по многим болезненным вопросам французского и российского обществ — это, пожалуй, самый большой успех рассматриваемого издания.

*С. Рагозина*

**Haven, Cynthia L. (2018) *Evolution of Desire: A Life of René Girard*. Michigan State University Press. — 346 p.**

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-3-253-261

«Эволюция желания» — долгожданная биография франко-американского ученого, философа и теолога Рене Жирара (1923–2015), известного как создатель «миметической теории» — вероятно, одного из последних больших нарративов гуманитарных наук XX века. Сегодня эта теория находит себе применение в обширном дисциплинарном поле от антропологии, социологии и философии до психиатрии и биологии, разрабатывается рядом специализированных сообществ и даже — усилиями т.н. *girardian scholars* — постепенно прокладывает себе путь в университетских программах. Собственно, одного того, что перед

нами — его *первая* биография, должно быть уже достаточно: даже если бы книга не удалась, ей все равно бы пользовались как изучающие его мысль историки философии, так и другие исследователи, адаптирующие его теорию к собственным интересам. Книга, однако же, удалась, и ценность ее тем более высока, что на протяжении всей своей жизни Жирар говорил о себе неохотно и разошелся только к 80-ти годам. Отдельные намеки встречались в «Том, через кого скандал приходит» (2001), «Завершить Клаузевица» (2007), «Эволюции и обращении» (2008) и его опубликованной в 2016 г. переписке с австрийским теологом Р. Швагером[5]. Важным источником, кроме того, был изданный его друзьями в 2009 г. сборник, озаглавленный «Рене Жирару: Опыты в дружбе и истине»[6]. Обычному читателю, знакомому только с основными трудами автора, представить себе этого человека было непросто; теперь это хотя бы возможно.

Часто миметическую теорию представляют как своего рода «секту», состоящую, как писал один автор, из «учеников, переводчиков и прозелитов» философа[7]. Это неправда — или правда в той степени, в какой такие же «закрытые сообщества» образуют узкие специалисты по ядерной физике или эволюционной биологии. Поэтому существовала большая вероятность, что первая биография Жирара будет написана его «посвященным» адептом, хотя бы и первого поколения: возник бы риск, что ее здоровая объективность и художественные достоинства будут принесены в жертву доброй памяти об учителе и завещанному им «общему делу». Однако с автором нам повезло: Синтия Хэвен — профессиональный журналист, автор биографий Ч. Милоша и И. Бродского и притом давний друг философа. Отсюда и тон книги: дружественный, вовлеченный, когда нужно — критический и обращенный к широкой аудитории.

Философия Жирара — по сути своей практическая. Ее не придерживаются, ее *практику-*

5. Girard, R. (2001) *Celui par qui le scandale arrive*. Desclée de Brouwer; Girard, R. (2007) *Achever Clausewitz*. Cahiers du Nord; Girard, R. (2017) *Evolution and Conversion. Dialogs on the Origins of Culture*. Bloomsbury; *René Girard and Raymund Schwager. Correspondence 1974–1995* (2016). Bloomsbury.

6. *For René Girard. Essais in Friendship and in Truth* (2009). Michigan State University Press.

7. Bottum, J. (1996) “Girard among the Girardians”, *First Things* [https://www.firstthings.com/article/1996/03/005-girard-among-the-girardians]. Подобная идея, нужно отметить, в ходу и у наших исследователей, см., напр.: *Зенкин С.* Небожественное сакральное. Теория и художественная практика. М.: РГГУ, 2014. С. 230.

*ют* — так же как, например, стоицизм, ницшеанство или сюрреализм. Отсюда проистекает и специфическая задача автора книги, что прибавляется к изложению фактов: показать, каким образом его жизнь соответствует его учению — и соответствует ли вообще. В этой задаче она прекрасно отдает себе отчет: «Лучшее подтверждение теории Жирара — он сам. Ему удавалось практиковать то, чему он учил — и становиться в этом все лучше. Я имела возможность наблюдать его невероятное личное достоинство, потрясающе мирный и преданный брак длиною в шестьдесят лет, его трудолюбие, дружбы и привязанности на всю жизнь, неизменную любезность к новоприбывшим» (с. 7). Но чему именно учил Жирар? В одном слове — *смирению*: поскольку люди копируют желания других, к насилию их ведет идея своей самодостаточности в качестве субъектов — т. е. гордыня. Поэтому для Хэвен так важно, что в самом философе этой гордыни не было: она постоянно пишет о его скромности, доброте и открытости, а в интервью говорит, что «он никогда не строил из себя Великого Человека»[8]. Эта задача биографии — неочевидная, без нее можно было обойтись и ее нужно учитывать при чтении.

Однако если миметическая теория — философия *для жизни*, то и вытекать она также должна *из жизни*: читая о борьбе братьев-врагов или козлах отпущения, невозможно поверить, что все эти образы философ почерпнул исключительно из других текстов. И в этом плане биографические данные о нем бесценны, поскольку позволяют заглянуть «за завесу» написанного и увидеть его прототип. Претендентов на эту роль, однако же, оказывается сразу несколько.

Одним из несомненных реальных источников жираровских идей было освобождение Парижа в августе 1944-го. Французы испытывали неясный стыд от того, что сдались немцам слишком легко и жили почти что как прежде — и стоило Шарлю де Голлю прокричать «Париж разоренный, сломленный, умученный», как в стране начался сущий ад, и подозреваемых в сотрудничестве с немцами расстреливали без суда и следствия. По всей стране более 20 тыс. женщин, обвиненных в сексуальной связи с оккупантами, подверглись ужасному ритуалу: им брили голову, их раздевали и с бранью прогоняли через весь город. На дошедших до нас фотографиях всегда одна и та же картина:

8. "*René Girard never played the Great Man", says biographer* [http://www.patheos.com/blogs/cosmostheinlost/2016/01/19/rene-girard-never-played-the-great-man-says-biographer/].

в центре — несчастная «стриженая», часто с ребенком, а вокруг нее — гогочущая толпа. Это зрелище производит сильное впечатление даже на нас — и можно представить, какое влияние оно должно было оказать на 21-летнего студента. В этой сцене нам является не только «козел отпущения», но и эффект неразличимости — ведь было совершенно неясно, кого можно считать коллаборационистом, а кого нет, и понятие *горизонтальной коллаборации* эту путаницу лишь усиливало. В сети такой путаницы попали тогда и многие именитые интеллектуалы — например, Жан-Поль Сартр, который в своей статье «Кто такой коллаборационист?» (1945) пытался вывести «сущность» потенциального коллаборациониста и писал, что в нем всегда есть нечто женственное или гомосексуальное[9]. Проблема, однако же, заключалась именно в том, что никакой такой природы не было и не могло быть.

Другая гипотеза об истоках *Le système-Girard* основана на странном рассказе Жан-Мишеля Угурляна, психиатра и соавтора «Вещей, сокрытых...», о том, что во время пребывания на американском Юге, в Индиане, Жирар наблюдал линчевание. «Когда я говорю о козлах отпущения — то знаю, что это за кошмар», — пересказывает его слова Угурлян (с. 68–69). Жирар якобы упомянул об этом лишь вскользь и потом от своих слов отказался — да и сама автор не нашла в то время прецедентов расправы. Здесь возникает и еще более мрачный вопрос: дело в том, что согласно идее философа, линчевание нельзя «видеть» издалека, от этой насильственной заразы никуда не укроешься: в нем можно только участвовать, хотя бы молчанием и бездействием. Позже свой рассказ поставил под сомнение и сам психиатр, поэтому этот вопрос, вероятно, так и останется для нас тайной.

Наконец, если раньше о знаменитом «обращении» Жирара в конце 50-х годов мы знали лишь то, что во время написания «Лжи романтизма» он вернулся к католичеству — вере своей матери, — то биография проясняет, в чем оно состояло: это обращение было не только религиозным, но и интеллектуальным, когда перед автором в один миг предстали все его будущие идеи — оставалось их записать. Это произошло на рубеже 1958 и 1959 гг. Ему было 35 лет, он вынужден был тратить два часа на дорогу в университет и читал романы для собственной книги.

9. Sartre, J.-P. (1949) “Qu’est qu’un collaborateur?”, *Situations*, III, pp. 43–61. Lendemains de guerre. Gallimard. См. также: *Гумбрехт Х.-У.* После 1945. Латентность как источник настоящего. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 145–147.

«Осенью 1958-го я работал над книгой о романе — над двенадцатой, последней главой, названной “Концовка”. Я думал о сходстве между религиозным опытом и опытом романиста, который обнаруживает, что постоянно лгал — лгал ради собственного Эго, которое в действительности сложилось из тысячи лжей, накопленных за долгий период, иногда за целую жизнь» (с. 110). «Помню, что в дороге я испытывал едва ли не мистический опыт, пока читал и смотрел в окно… мое внутреннее состояние преображало все вокруг, и на обратном пути каждый лучик заходящего солнца вызывал во мне экстаз» (с. 118). Двенадцатая глава была полностью переписана им в духе этого откровения, но за ним последовало второе — у философа заподозрили меланому. «И вот мое интеллектуальное обращение — очень комфортный и даже самоизвиняющий опыт — полностью переменилось. Я не мог думать ни о чем, кроме рака, а период острой тревоги переживал как предостережение и своего рода искупление. Так это обращение стало чем-то действительно серьезным: эстетическое уступило место религиозному» (с. 118). Исходя из этого, Синтия Хэвен справедливо помещает Жирара в ряд других французских мыслителей, переживших схожий опыт: Декарта, Паскаля и Вейль.

Нужно учитывать, что обращение философа — не просто его «личное дело», а событие, определившее всю его мысль и, в частности, всю его эпистемологию: поскольку такой опыт лежит в основе познания, он требуется от читателя. Хэвен не зря подробно останавливается на докладе Жирара «Тиресий и Критик» (1966)[10], в котором тот впервые, еще до «Насилия и священного», обращается к опыту Эдипа: герой трагедии постигает истину не объективно, а субъективно, ибо это прежде всего истина о нем самом, которая переворачивает всю его жизнь (с. 200). Позже, после открытия собственно насилия, священного и козла отпущения, идея несколько преобразится, но суть ее будет прежней: «Существует ли какое-то иное самопознание, кроме познания себя в качестве гонителя?» — спрашивает его в интервью 2001 года Мария-Стелла Барбери, на что получает категоричный ответ: «Без сомнения, нет»[11]. В итоге же в «Завершить Клаузевица» Жирар говорит, что обращение человечества и отказ от наси-

10. См.: Girard, R. (1966) “Tiresias and the Critic”, in Macksey, R., Donato, E. (ed.) *The Structuralist Controversy. The Languages of Criticism & Sciences of Man*, pp. 15–21. Baltimore and London: The John Hopkins University Press.

11. Girard, R. *Celui par qui le scandale arrive*, p. 100.

лия — единственный шанс спасти мир[12]. Поэтому переоценить биографическое свидетельство тут невозможно.

Однако интеллектуальная биография обычно призвана не только задать фрейм общего понимания, но и дать исследователям конкретные данные и ориентиры — и с этим в данной работе все в порядке. В книге очень корректно, как мне кажется, обозначены основные труды мыслителя и, соответственно, даны этапы развития его мысли: это «Ложь романтизма и правда романа», «Насилие и священное», «Вещи, сокрытые от основания мира» и «Завершить Клаузевица». До сих пор с этим четким и единственно возможным делением зачастую возникали проблемы, так что излишнее внимание уделялось таким заведомо вторичным текстам, как «Козел отпущения» или «Я вижу Сатану, падающего как молния» в ущерб этим четырем (см. гл. 7, 9, 13). В другом месте Синтия Хэвен обращает внимание на одну из важнейших революций в жираровской мысли — а именно изменение трактовки жертвоприношения под влиянием того же Швагера (с. 226–228)[13]: если в «Вещах, сокрытых...» он излагал «нежертвенную» интерпретацию христианства и критиковал Послание к евреям, то примерно с 00-х и «Завершить Клаузевица» стал говорить, что архаическое и христианское жертвоприношение различаются между собой как принесение другого и самопожертвование, и что он сделал из Послания к евреям «козла отпущения» среди книг Нового Завета (с. 228). Учитывая, сколь часто эту историю не учитывают и продолжают говорить о «нежертвенном» жираровском христианстве, проговорить ее было необходимо. Важным представляется также сравнение Жирара с Жоржем Батаем (с. 207–209), которого можно счесть его «темным двойником»: он весьма схожим образом ставил жертвоприношение во главу угла в отношении общества и субъекта, и при всех различиях два мыслителя сходятся на идее самопожертвования. Мне представляется, что Хэвен отказывается от этого сравнения слишком быстро[14], но то, что она обращается

12. Girard, R. *Achever Clausewitz*, p. 67–106.

13. Изначально Жирар пересмотрел свою позицию в статье *Mimetische Theorie und Theologie*, опубликованную в 1995 г. предисловием к книге Швагера *Vom Fluck und Segen der Sündenböcke* (Thaur, Wien, München: Kulturverlag). Пер. на фр. см.: Girard, R. "Théorie mimétique et théologie", *Celui par qui le scandale arrive*. P. 63–82.

14. См. об этом, напр., нашу статью: *Зыгмонт А.И., Дюков Д.А.* Философия насилия и сакрального Жоржа Батая

к нему в принципе, уже не может не радовать.

Кроме этого, в «Эволюции желания» есть ряд и других существенных деталей: так, мы узнаем, что «Элементарные формы религиозной жизни» Дюркгейма автор прочел уже после написания «Насилия и священного», что делает поиски в этой работе дюркгеймовских влияний заведомо бессмысленными (с. 158). Для литературоведов и историков идей может оказаться полезным указание на его влияние на таких писателей, как М. Кундера (с. 76–77) и Дж. Кутзее (с. 170–174). Наконец, в биографии попросту много прекрасно рассказанных историй: про его страсть к «пранкам» во время учебы в лицее, за которые он был оттуда отчислен; трогательную ненависть к парижскому общежитию Национальной школы хартий; как его чуть не поймала с двумя паспортами полиция в период оккупации; как ему хотелось залезть под стол от стыда за дурацкие выходки Жака Лакана во время исторической конференции 1966 г. в Балтиморе; как Жан-Мишель Угурлян неожиданно нагрянул к нему в Нью-Йорк, где надеялся его найти — и не нашел, поскольку университет Нью-Йорка оказался совсем в другом месте; про его счастливый брак и тихую смерть в глубокой и уже не совсем ясной старости.

В конце концов, книга просто отлично написана, читается на одном дыхании и формирует образ философа — в чем-то, как я уже отметил, идеализированный, но в других аспектах — очень свежий. Например, когда Жирара не выставляют сторонником жертвоприношений (из-за тона «Насилия и священного»), его выставляют моралистом: он-де хотел убедить человечество оставить свое насилие, встать на путь истинный и вообще пойти слушать старую тридентскую мессу. Однако же в беседах с Синтией Хэвен он часто высказывался совсем в ином духе — пожалуй, разумном, но близком к пораженчеству и даже «отчаянию о человеке». Вот примечательный разговор:

> — *В этой ситуации долгого апокалипсиса — что бы Вы посоветовали?*
> — Что значит — что бы я «посоветовал»?
> — *Ну, что нам делать?*
> — Ничего.
> — *Просто сидеть сложа руки?*
> — Просто сидеть сложа руки. Да (с. 261).

И после этого несколько раз повторяет: «Ну, в любом случае…

и Рене Жирара в сравнительной перспективе // Религиоведческие исследования. 2017. № 1(15). С. 29–72.

об этом позаботится Бог. Да. Да». Хотя эти слова были сказаны философом уже в очень почтенной старости, хочется верить, что это не деменция, а нечто большее: «слишком человеческая» слабость, усталость и трезвость.

До сих пор я еще не сказал о книге ни одного слова критики, и критиковать ее почти не за что. Но «Эволюция желания» — биография почти прижизненная, написанная близким к мыслителю человеком на основании их личных бесед. Поэтому ей недостает не то чтобы объективности, но дистанции. Судьба Жирара оказывается почти лишена «темных пятен», а сам он напоминает живую икону: мы постоянно читаем о его достоинствах и ни слова не слышим о его недостатках — которые, вероятно, могли бы внести в его образ что-то парадоксальное. Единственное, о чем нам дают услышать — об его детской страсти к розыгрышам и простительном юношеском увлечении «тусовками и тачками»[15]. В интервью Жирар признавался, что «весьма миметичен»[16] и пишет о том, что прожил сам — но темная сторона миметического желания (а в нем труднее отыскать светлую) будто бы совершенно обошла его стороной. Между тем мы о многом не знаем. Рискуя пересказывать слухи и сплетни — но разве рассказ Угурляна о линчевании не слух и не сплетня? — я должен сказать, что мне кажутся вполне правдоподобными истории, услышанные мною от знакомых с ним людей, о жестоких экспериментах, которые он ставил порой над людьми: то сообщал всем о своем романе с какой-то женщиной, с которой у него романа никогда не было, то вместе со студентом-стажером отправлял в место его назначения письмо с критикой вместо всяческих рекомендаций. В конце концов, эти истории прекрасно согласуются и с пресловутыми «пранками», и с частыми жалобами на скучную университетскую жизнь и среду, в которой ему было явно тесно. Подобные вещи не только существенно обогащают образ мыслителя — тем более для тех, кого тошнит от агиографий, — но и согласуется с его собственной теорией, где для выхода к «позитивному» мимезису нужно пройти через «под-

15. Girard, R. (2017) *Evolution and Conversion. Dialogues on the Origins of Culture*, p. 19.

16. «Я весьма миметичен. Поскольку я полемичен — я миметичен. Я признаю за собой полемичность, чтобы я написал текст, меня нужно приманить, раззадорить. В письме мною часто движет стремление кого-то наказать — но такая месть не очень-то действенна» (Girard, R. *Celui par qui le scandale arrive*, p. 191).

полье», переживание собственного ничтожества, подлость и даже войну с ближними.

Однако пока что лучшей биографии Жирара трудно было бы и желать. Она сослужит прекрасную службу равно как его последователям, так и исследователям и заслуживает всяческих рекомендаций.

*А. Зыгмонт*